

УДК: 398 (7)

Дж. Руей-Уиллоуби

Университет Кентукки, Лексингтон (США)

Североамериканская фольклористика: современные подходы и понятия

Статья описывает современные подходы к фольклору в североамериканской научной традиции. Обсуждаются понятия «фольклор» и «жанр», принятые среди североамериканских специалистов, и чем отличаются их трактовка от европейской традиции. Рассматривается развитие фольклористики в XX в. в Северной Америке. Показано, что критика формально-структурных подходов в 1970-х гг. привела к возникновению разных методик, где по-новому понимался термин «идентичность» и то, как фольклор ее отражает. Обсуждаются статьи в недавних изданиях журнала Общества американского фольклора. Автор показывает, как в текущей научной работе фольклористов Северной Америки продолжаются споры о понятиях «фольклористика» и «фольклор» и вырабатываются новые подходы.

Ключевые слова: североамериканская фольклористика, современные подходы, понятие «фольклор», дисциплина «фольклористика».

Главная черта североамериканской фольклористики и в прошлом и в данный момент – взаимосвязь с другими областями гуманитарных наук. В наших вузах фольклористика в основном является частью или кафедры английской литературы, или кафедры иностранных языков, или кафедры антропологии. Понятие «фольклор» отличается от европейской трактовки. Во-первых, мы изучаем не только народную устную прозу и поэзию. Хотя американские специалисты все согласны, что народная литература играет важнейшую роль в дисциплине, фольклор в Северной Америке также включает темы, относящиеся к этнографии, как её понимает русская академическая традиция, – например, народные обычаи, обряды, промысел, одежда и музыка. Еще одна, более существенная разница состоит в том, что городская и популярная культура включается в фольклор и её изучение находится в ведении фольклористики. Поэтому сегодня на конференции Общества американского фольклора можно услышать, например, выступления, посвященные фильмам об американском празднике День благодарения, о том, как они влияют на представления народа (в нашем понимании этого слова) о празднике; доклады о телепередаче по телевизору, такой как Файлы-икс, о желтой прессе и ее влияние на народную культуру; или еще более типичные для американской фольклористики доклады о песнях франкоговорящего населения Луизианы или афроамериканцев в Миссисипи, об обрядах Навахо (племя индейцев) в Аризоне и о народных промыслах поляков в Иллинойсе.

Руей-Уиллоуби Джинмари (Rouhier-Willoughby Jeanmarie) – Ph.D., профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы Университета Кентукки.

Контактная информация: кафедра современных и классических языков, литератур и культур, 1055, Паттерсон Офис Тауэр, Университет Кентукки, г. Лексингтон, Кентукки, США, 40406 (Department of Modern and Classical Languages, Literatures and Cultures, 1055 Patterson Office Tower, University of Kentucky, Lexington, KY, USA, 40506). E-mail: j.rouhier@uky.edu; тел.: (859)-257-17-56; факс: (859)-257-37-43.

Такое понятие фольклора является наследством исследований ранних американских фольклористов, таких как Франк Боас [Boas, 1938, 1940] и Ричард Дорсон [Dorson, 1966, 1972, 1973]. Дорсон играл ведущую роль в формировании этих представлений, когда писал, что у североамериканцев существует свой фольклор, своя народная культура. Так как популярная и городская культура – это важная часть нашего быта, американские фольклористы приняли решение включить такие жанры в свои исследования. Если мы рассмотрим классические народные жанры, то убедимся, что в Северной Америке, без сомнения, играли роль разные народные традиции переселенцев, однако американцы, как любой народ, брали эти «остатки» разных традиций и совмещали их, творили свои жанры, свои формы, свои рассказы и свою музыку. Фольклор, конечно, меняется, адаптируется к ситуации, и ни одна традиция не остается без изменений в американском контексте, так же, как и ни одна русская традиция не избежала влияния времени, других народов и т. д. Поэтому стоит, по-моему, несколько слов сказать о наших жанрах перед тем, как начну рассматривать текущие подходы и спорные вопросы в современной фольклористике. В Северной Америке существует все устные жанры, с которыми вы знакомы. Если возьмем, например, самый распространённый учебник американского фольклора, написанный Яном Брунвандом [Brunvand, 1998], то увидим такие главы: пословица, загадка, устная поэзия, миф, легенда, анекдот, сказка, лирическая песня, баллада, народная музыка. Как мы ожидаем, благодаря более широкому понятию дисциплины «фольклористика», также появляются главы, посвященные суевериям, обычаям и обрядам, танцам, народной драме, жесту, играм, народному зодчеству, промыслу, костюму и пище. В Северной Америке находятся примеры всех жанров, кроме эпоса; он не существует как жанр (и не существовал у нас в прошлом), по крайней мере у народов, которые переехали из Европы, Африки и Восточной Азии. Эпос существует у некоторых племен индейцев, но они не имели широкого влияния на фольклор американцев в целом. Стоит отметить, что у американских фольклористов общее с европейскими специалистами понимание того, что обозначают термины «сказка», «эпос», «лирическая песня», «баллада», «анекдот» и «загадка». Хотя легенда (*legend*) у нас включает следующие жанры: предание, легенда и быличка, или, короче говоря, совпадает с понятием несказочной прозы в русской фольклористике. Следует отметить, что легенда также обозначает так называемую городскую легенду, которая у вас считалась бы быличкой или преданием.

Как указано выше, северно-американский народ также создал новые американские жанры, совмещая разные традиции, такие как блюз, рэп¹, народная религиозная музыка госпэл (*gospel*)² и блюгрэс³. Наши американские жанры сотворили афро-американцы и европейские эмигранты на основе разных видов музыки и песен: например, в блюгрэсе мы видим черты музыки Африки, Ирландии, Шотландии и индейцев.

В последних четырех главах учебника Брунванда, написанных известными американскими фольклористами Яном Брунвандом, Бэрри Толкеном и Хенри Гласси, содержится исследование современного (на момент выпуска книги, т. е. около 20 лет назад) состояния американского фольклора. Они пишут о городских легендах, о фольклоре технологии (ксерокс-фольклор, телевидение, e-мэйл) и о фольклоре ученых в университете. В конечном счете, как мы видим, в Америке значения понятий «фольклор» и «народ», по сравнению с европейской традицией, расширились; и словом «народ» обозначают не только тех, кто живет в деревне и является в основном исполнителями устного народного фольклора в классическом понимании.

Тем не менее корни фольклористики в Северной Америке все европейские. Благодаря тесным связям с европейскими учеными, развитие фольклористики в Северной Америке отражает такие же исторические явления, какие происходили в Европе, поэтому не стоит подробно это описывать. Для наших целей достаточно перечислить самые важные подходы XX в., которые, без сомнения, хорошо знакомы русским специалистам: функционализм, структурализм и психоаналитический подход. Хотя они пользовались (и до некоторой степени еще пользуются среди некоторых специалистов) огромной популярностью, в 1970-е гг. ученые начали критиковать их недостатки.

Три новых и значительных подхода к фольклору развились в контексте неудовольствия по отношению к более формальным методикам XX в., а именно: феминистический (или гендерный) подход, взаимно-этнологическая (*reciprocal ethnography*) методика и методика пересеканности (*intersectionality*). Феминистический подход пользуется большой популярностью в фольклористике, а

¹ Хотя существует ошибочное мнение, что рэп является примером популярной культуры, по своим корням он считается народным жанром афро-американцев, которые пели коллективно, устраивая шуточные соревнования, как в России иногда поют частушки. Рэп должен импровизироваться исполнителями здесь и сейчас.

² Госпэл сильно отличается от духовной музыкальной традиции европейских народов, и сам он считается корнем блюза и рока.

³ Музыка южного района Аппалачи.

также среди литературоведов, антропологов и других специалистов, он дает возможность лучше понимать жизнь и роль женщин в культуре. Это явление, конечно, стало результатом социальных изменений в обществе в 1970-е гг., которые повлияли и на другие современные подходы. В результате специалисты стали обсуждать так называемые забытые голоса, принадлежащие различным меньшинствам, людям из маргинальных групп во всем мире (бедным, деревенским и пр.). Первый феминистский анализ фольклора появился в журнале американского фольклора в 1975 г. [Farrer, 1975a]. Авторы хотели показать анализ и выводы фольклористов, старающихся понять характерные черты, отличающие женский фольклор от опыта мужчин, как писала редактор Клэйр Фаррер [Farrer, 1975b: v-vi]. Раньше, пишет она, женский фольклор и женская культура имели отношение в основном к домохозяйству, домашнему врачеванию, подразумевались суеверия и рассказы о ведьмах, а эти статьи открыли новые пути дискуссии о роли женщин в обществе и культуре.

В связи с вопросом о маргинальных группах развивалась взаимно-этнологическая методика. Кажется, что это логичный очередной этап развития вышеуказанной ситуации, когда маргинальные люди не имеют власти в обществе, и даже исследователи, которые уважают людей, с которыми они работают, в то же время делают вид, что ученые лучше понимают значение фольклора, чем сам народ. Некоторые сторонники этой методики (см. [Lawless, 1991, 1992, 1993, 1994; Narayan, 1995]) считают проблематичным такое положение: специалисты анализируют собранные материалы, но сами не являются членами такого сообщества и, следовательно, делают выводы, которые, может быть, не совпадают с мнениями и понятиями народа. Предполагается, что фольклористы всегда смотрят на материал извне; то, что пишут фольклористы, становится более значительным, чем то, что думает народ о своей практике. Такое положение способствует выстраиванию определенной иерархии и утверждению мнения, что академики (ученые) лучше исполнителей. Чтобы избежать таких сложностей, у исследователей, которые придерживаются взаимно-этнологического подхода, принято после написания статьи возвращаться к информантам, и последние таким образом имеют возможность исправить и дополнить информацию. В итоге в одной работе фольклористы иногда дают и свои выводы о материале, и несовпадающие с ними мнения исполнителей. Самая главная черта этого подхода – признание, что наши исследования совместные, они являются результатами переговоров с информантами, которые наравне с учеными участвуют в процессе.

Одним из важнейших результатов гендерного подхода было признание, что идентичность каждого человека не основана на какой-либо одной черте. Пересекаемость является теорией, вобравшей в себя части теорий феминизма, культуроведения и социополитических теорий, с целью изучить, каким образом различные аспекты – класс, этнос, политика, пол, культура, религия, сексуальность и физические ограничения пересекаются и в итоге влияют на мировоззрение, идентичность и выразительные формы коммуникации человека. Исследователи стараются описывать, как разные многократные опыты взаимодействуют среди людей и в обществе. Другие аналитические подходы могут подчеркивать всего лишь один из этих факторов, но пересекаемость рассматривает то, как они вместе функционируют и влияют на фольклор и особенно – на исполнение данного текста в одном или другом контексте. Ранние стадии этого подхода мы видим в работе Бэрри Толкена, специалиста по фольклору индейцев, который писал о самом исполнении как традиции в книге *The Dynamics of Folklore* (1979). Такие ученые обычно интересуются угнетёнными группами или меньшинствами, которые были исключены из общества или власти, или, в других словах те, кто стоит на краю общества. Например, Патриция Саун написала статью о работе певицы из Аппалачи Бесси Елдрит [Sawin, 2002]. Автор описывает, как возраст, пол и социальный статус певицы определяли ее роль как члена общества. В повседневной жизни она была типичной, традиционной женщиной в этой среде. Но, когда она исполняла песни, она критиковала власть, отношения к женщинам и общественную иерархию в своем районе, в своей культурной среде. Исполняя песни, Елдрит характеризует все свои роли и показывает отношения, веру и ценности женщины в этом социуме, определяющие ее исполнение. Слушатели также реагируют в зависимости от своих представлений о бедной женщине из Аппалачи, исполняющей песни.

Хотя не каждый исследователь в американской фольклористике является сторонником указанных выше методик, выводы, которые они предлагали насчет народа и фольклора, и критика ограниченности формальных методов изменили дисциплину в общем. Например, если мы возьмем четыре из последних выпусков самого важного журнала северноамериканской фольклористики – «Журнала американского фольклора», мы увидим, что в основном статьи посвящены таким спорным вопросам. Три из этих четырех номеров были тематическими. В номере 128 (507) зимой 2015 г., например, все авторы пользуются методикой итальянского исследователя Эрнесто де Мартино [De Martino, 1941, 1948, 1958, 1959, 1962]. Считается, что его ценные выводы насчет культуры и фольклора недостаточно

уважаемы вне Италии. Его исследования на юге Италии в 1940–1960-е гг. дают современным культурологам возможность рассматривать фольклор как способ изменять несправедливую ситуацию к лучшему. Эмилио Бэррокал [Bertogal, 2015], например, пишет о своем исследовании в восточном Лондоне с певцом по имени Барбар Лук, который родился в Пакистане и в возрасте восьми лет переехал в Англию. Бэррокал изучает, какую роль концерты и песни этого певца играют в формировании нового представления англичанина и особенно лондонца о том, кто есть свой, а кто чужой. Автор подчеркивает, как они с певцом сталкивались с расизмом в баре в маленьком селе в Кенте. Одна женщина стала ругаться, когда увидела «чужого» человека (по виду и одежде – из Пакистана) в своем баре. Но затем оказалось, что певец вырос с ней в одном районе Лондона; услышав ее акцент и отлично понимая местную культуру и правила поведения, он смог повернуть разговор в свою пользу. Когда Лук отреагировал, как «свой» человек, она удивилась, и они стали обсуждать общие интересы как жители одного района. По мнению певца, цель таких поступков и исполнения своей музыки заключается в том, чтобы люди понимали, что по наследству Британской империи все граждане разных культур являются «своими». Хотя они физически отличаются друг от друга, они все принадлежат Англии. Выводы этой женщины на основе этноса, например, ошибочные, и певец пытается менять такое фольклорное представление и вводить новое, более широкое понятие того, кто является «своим» в английской среде.

Более того, сам автор ему помогает и поддерживает работу певца, как советовал де Мартино в своих работах. Де Мартино считал, что с помощью фольклора можно исправлять несправедливость в обществе, но и мы как специалисты обязаны менять фольклор, который противоречит нашим человеческим ценностям. Чтобы создать лучший мир с новой бесклассовой системой, люди должны отказаться от фольклорных образцов и культурных традиций поведения, которые им вредят. В итоге Бэррокал и Лук вместе написали песню и сняли по ней видео, которое показывает отрицательные представления современного британского фольклора в контексте распавшейся империи.

На самом деле вопрос о роли фольклориста как активиста весьма спорный, и работы де Мартино и другого итальянского исследователя Грамши [Gramsci, 1985] описывают один важный пробел в американской фольклористике. У нас два вида фольклористов: академики и общественники (последние больше похожи на краеведов, но у них есть фольклорное образование). Фольклористы-академики работают в вузах, а общественники работают в музеях, в фольклорных обществах разных штатов, районов, городов и т.п. Они организуют выставки, местные фестивали, рекламируют богатство и разнообразие фольклора Америки и в результате помогают разным общностям сохранять культурное наследие и даже изменять их социальное положение. Они в большей или меньшей степени и оказываются активистами. Хотя и те и другие фольклористы являются членами Американского фольклорного общества и участвуют в конференциях, фольклористы-общественники часто имеют иные цели, чем академики. Стивен Генкарелла, фольклорист из университета Массачусеттса, опубликовал статью по этому вопросу в *Journal of Folklore Research* [Gencarella, 2010a]. В ней автор предлагал новый подход, который назвал «критическим фольклором» (*critical folklore studies*), и требовал, чтобы фольклористы все стали активистами наподобие общественников. Он настаивал, чтобы мы активно действовали, когда видим несправедливость в обществах, которые изучаем. Например, мы часто пишем, что песня или обряд помогает людям, не имеющим власти, смириться с ситуацией или изменить состояние, но мы смотрим на это, сложа руки и ничего не делая. Генкарелла делает вывод, что такое поведение вредит нашей науке и людям, с которыми мы работаем, что мы обязаны попытаться улучшить общественную среду наших информантов. Далее, он утверждает, что мы обязаны не просто замечать обидные, злые или неприятные фольклорные тексты, а пытаться их изменять. В ответ Хосе Лимон писал (в статье в том же выпуске), что такой подход разрушит нашу научную дисциплину, потому что такое поведение противоречит принципам исследователя фольклора [Limon, 2010]. Иными словами, мы должны не изменять фольклор или мир вокруг нас, а описывать и понимать его. Генкарелла ответил [Gencarella, 2010b], что если фольклористика как дисциплина и пострадает из-за таких действий, он не считает это большой бедой именно потому, что самая главная наша цель — не просто писать научные труды, а улучшать мир. Он утверждает, что в конце концов мы, фольклористы, имеем больший объем знаний, чем другие исследователи культуры, чтобы достичь подобной цели.

Подобные вопросы поднимались и в другом тематическом номере (128 (510), осенью 2015). Специалисты по фольклору азиатских народов в Северной Америке обсуждают проблематичную историю понятия «азио-американец» и в нашем обществе, и в североамериканской фольклористике. Джуен Жанг, профессор китайского языка в университете Уиламмета (штат Орегон), пишет, что Общество американского фольклора (и, как следствие, его журнал) делает вид, что азиатские народы на

американской земле как-то не «вполне» американцы, в отличие от других групп иммигрантов [Wang, 2015]. О фольклоре этих этносов в Америке редко пишут на страницах журнала и говорят на конференциях. Важное культурное влияние их традиций на американскую фольклорную среду не отмечено и в результате не оценено. Такие люди в итоге считаются «чужими». Разнообразие культурных традиций этих народов лишь усложняет ситуацию. Сам термин «азио-американец» покрывает богатство всех культурных традиций, а также их общий опыт и общие ценности. Жанг пишет, что мы не найдем таких недостатков в работе фольклористов-общественников, которые уже в 1970-х гг. стали организовывать выставки и выступления носителей азиатского фольклора разных народов [Wang, 2015, p. 379–380]. Цель статей в этом номере — улучшить ситуацию в науке, чтобы фольклористы понимали, насколько они склонны к отрицанию традиций целых этнических групп, живущих в Америке. Иначе говоря, в этой ситуации специалисты по азиатскому фольклору, работающие в вузах, стали активистами в своей области, чтобы достичь лучшего понимания и самого фольклора, и исторических ошибок в поведении общества.

Диана Голдстин, президент Общества Американского Фольклора, затрагивает эту же тему в своей президентской речи в октябре 2013 года (опубликована в номере 128 (508), весной 2015) [Goldstein, 2015]. Она обсуждает так называемый «поворот к нарративу» (*narrative turn*) в науке Северной Америки и показывает, как врачи и юристы, а не только гуманитарии, стали уважать нарратив и «знания локальных особенностей». Однако эти ученые не знают, что существует такая дисциплина – «фольклористика». Поэтому они не знают и того, что нам лучше известны понятия нарратива и рассказа, что среди фольклористов существуют ведущие специалисты, которые всю жизнь занимаются рассказом и его ролью в культуре. Голдстин объясняет это незнание следующим образом: мы, фольклористы, пишем только друг другу и общаемся только между собой. Наши статьи издаются исключительно в журналах, посвященных фольклору, мы не стараемся на наших кафедрах или в вузах (напомню, что в Америке фольклор обычно изучается на кафедрах литературы или языка) показывать, почему так важно изучать и понимать народную культуру, особенно народную прозу и песню. Голдстин советует нам стать активистами другого рода, которые пишут статьи для журналов по другим научным областям (она дает примеры своих статей по народным нарративам в журнале по юриспруденции и по медицине). Нам приходится выяснять, кто в наших вузах испытал «поворот к нарративу», чтобы мы открыли дверь распространению наших знаний и сотрудничеству с неопытными людьми. Иначе, предупреждает она, мы уступим наше место другим, не понимающим как следует значимости нарратива и роли знания локальных особенностей в идентичности и культуре.

В контексте обсуждения «поворота к нарративу» я должна отметить одно из живых явлений в современной американской фольклористике – обсуждение так называемых «личных нарративов», или «устных историй» как образцов фольклора. Например, *The StoryCorps Project* (проект Корпуса Рассказов, <https://storycorps.org/>), поддержанный Центром народного быта Америки в Библиотеке Конгресса (<https://www.loc.gov/folklife/index.html>), был основан в 2004 г. Они собирают личные истории и рассказы у всех желающих в нескольких постоянных местах, а также путешествуют по стране. Одна из моих канадских коллег, изучающих славянский фольклор, которая собирает украинские легенды, жалуется на то, что личные рассказы привлекают такое внимание в нашей дисциплине потому, что люди обычно не рассказывают откровенно истории о себе. Наоборот, они исполняют произведения традиционных жанров, которые дают им возможность выразить то, что не принято излагать прямо, или то, что им стыдно рассказывать. Но тем не менее личные рассказы сейчас играют важную роль в фольклористике, и нужно отметить, что термин «нарратив» в речи Голдстин обозначает такие рассказы (как и образцы народных жанров).

Пока мы обсуждаем, что считается фольклором в Северной Америке, стоит вернуться к фольклору интернета. Интернет, без сомнения, играет роль в развитии и передаче некоторых традиционных жанров, особенно анекдотов и несказочной прозы. Но он усложняет нашу работу, потому что главная наша цель — знать, кто исполняет текст, и понимать местный контекст этого текста. Но какой может быть местный контекст в глобальной сети? И откуда мы сможем узнать об исполнителях? Даже если есть информация на сайте об «исполнителе», человек может врать о биографических данных в анонимном контексте онлайн-пространства. Однако некоторые фольклористы предлагают всё же обращать внимание на интернет как на современный феномен трансляции фольклора и развития текстов. Трэвор Бланк (Университет Нью Йорка, Потсдам) редактировал книгу об интернете и народных высказываниях [Blank, 2009]. Даже уважаемый специалист по эпосу Джон Майлс Фоли незадолго до скоропостижной кончины писал свою последнюю книгу по этой теме [Foley, 2012]. Он изучал связь интернета с устной народной традицией. Джоэл Бест и Кейтлин Богл издали книгу об интернетовских легендах (в американском понятии этого слова) о сексе и детях [Best, Bogle, 2014]. Они так-

же пользовались компьютерами, чтобы помогать в обработке собранных ими огромных объемов данных. Последний тематический номер «Журнала американского общества» прошлого года посвящен тому же вопросу: как компьютерная технология может упрощать работу фольклориста. В нем помещены четыре статьи, описывающие программы, базы данных, глобальные информационные системы и систему меток, и объясняющие, какую пользу приносят такие методики работе фольклориста. Обсуждаются географическое распространение сюжетов быличек или легенд о ведьмах в Норвегии [Broadwell, Tangherlini, 2016]; использование компьютера для классификации сказок в базе данных по морфологической системе Проппа [Finlayson, 2016] или по указателю Аарне–Томпсона [Meder, Karsdorp, Dong Nguyen, Theune, Trieschnigg, Everhardus, Muiser, 2016] и для фонетической характеристики скороговорок и выявления их общих черт с другими устными поэтическими жанрами (пословицами, эпосом и считалками) [Nikoli, Bakarić, 2016].

В заключение скажу, что в североамериканской фольклористике существует явная склонность к анализу выразительных форм так называемых забытых голосов. Фольклористы, изучающие такие формы, представляют бесценные данные, и наши исследования дают важнейшие выводы, несмотря на то, какой подход был избран ученым. Без сомнения, спорные вопросы североамериканской фольклористики и современные североамериканские подходы показывают, насколько сильно эта научная дисциплина в нашей стране отличается от европейской научной традиции, можно даже предположить, что это отличие выражает характер самого североамериканского народа. Вообще гуманитарные науки в странах Северной Америки, как и в России, находятся в худшем положении, чем естественные науки, в том смысле, что наш труд не очень ценится и уважается. К огромному сожалению, фольклористика стоит на последнем месте, потому что специалисты по фольклору работают на разных кафедрах, и даже наши коллеги, а тем более широкая аудитория не понимают важность нашей работы, в некоторых случаях даже не знают, что мы существуем. Как мы видели, такая слабая позиция выражается в дискуссиях и в изданиях по современной североамериканской фольклористике. Сложный, но критически важный вопрос стоит перед фольклористами Северной Америки: как должна измениться ситуация, чтобы наша дисциплина не умерла?

Список литературы

- Berger H.M., Del Negro G.P. 2002. Toward New. Perspectives on *Verbal Art as Performance*. Special issue, *Journal of American Folklore* 115 (455).
- Berrocal E.G. 2015. Other-Hegemony in de Martino: The Figure of the Gramscian Fieldworker between Lucania and London. *Journal of American Folklore* 128 (507): 18–45.
- Best J., Bogle K.A. 2014. *Kids Gone Wild. From Rainbow Parties to Sexting, Understanding the Hype over Teen Sex*. New York: New York U. Press.
- Blank T., ed. 2009. *Folklore and the Internet: Vernacular Expression in a Digital World*. Logan, UT: Utah State U. Press.
- Boas F. 1938. An Anthropologist's Credo. *The Nation* 147:201-4.
- Boas F. 1940. *Race, Language and Culture*. New York: Free Press.
- Broadwell P.M., Tangherlini T.R. 2016. WitchHunter: Tools for the Geo-Semantic Exploration of a Danish Folklore Corpus. *Journal of American Folklore* 129 (511): 14–42.
- Brunvand J.H. 1998. *The Study of American Folklore: An Introduction*. 4th ed. New York: W.W. Norton.
- De Martino E. 1941. *Naturalismo e storicismo nell'etnologia*. Bari: Laterza.
- De Martino E. 1948. *Il mondo magico. Prolegomeni a una storia del magismo*. Turin: Einaudi.
- De Martino E. 1958. *Morte e pianto rituale nel mondo antico. Dal lemno pagano al pianto di Maria*. Turin: Boringhieri.
- De Martino E.. 1959. *Sud e magia*. Milan: Feltrinelli.
- De Martino E. 1962. *Magia e civiltà*. Milan: Garzanti.
- Dorson R.M. 1966. The Question of Folklore in a New Nation. In: *Folklore and Society: Essays in Honor of Benj. A Botkin*, ed. Bruce Jackson. 21–34. Hatboro, Pennsylvania: Folklore Associates.
- Dorson R.M. 1972. Concepts of Folklore and Folklife Studies. In: *Folklore and Folklife: An Introduction*, ed. Richard M. Dorson. 1–50. Chicago: Chicago University Press.
- Dorson R.M. 1973 *America in Legend: Folklore from the Colonial Period to the Present*. New York: Pantheon.
- Farrer C., ed. 1975a. Women and Folklore. Special Issue, *Journal of American Folklore* 88 (347).
- Farrer C., ed. 1975a. 1975b. Women and Folklore: Images and Genres. In: Farrer 1975a, v-xv.

- Finlayson M. 2016. Inferring Propp's Functions from Semantically Annotated Text. *Journal of American Folklore* 129 (511): 55–77.
- Foley J.M. 2012. *Oral Tradition and the Internet. Pathways of the Mind*. Champaign, IL: U. of Illinois Press.
- Gencarella S.O. 2010a. Gramsci, Good Sense, and Critical Folklore Studies. *Journal of Folklore Research* 47 (3): 221–252.
- Gencarella S.O. 2010b. Gramsci, Good Sense, and Critical Folklore Studies: A Critical Reintroduction. *Journal of Folklore Research* 47 (3): 259–264.
- Goldstein D. 2015. Vernacular Turns: Narrative, Local Knowledge, and the Changed Context of Folklore. *Journal of American Folklore* 128 (508): 125–145.
- Gramsci A. 1985. *Antonio Gramsci: Selections from Cultural Writings*, eds. David Forgacs and Geoffrey Nowell-Smith. London: Lawrence & Wishart.
- Lawless E. 1991. Women's Life Stories and Reciprocal Ethnography as Feminist and Emergent. *Journal of Folklore Research* 28: 35–61.
- Lawless E. 1992. 'I was Afraid Someone Like You...an Outsider...Would Misunderstand': Negotiating Interpretive Differences between Ethnographers and Subjects. *Journal of American Folklore* 105 (417): 302–314.
- Lawless E. 1993. *Holy Women/Wholly Women: Sharing Ministries through Life Stories and Reciprocal Ethnography*. Philadelphia: U. of Pennsylvania Press and the Publications of the American Folklore Series, New Series.
- Lawless E. 1994. Writing the Body in the Pulpit: Female-sexed Texts. *Journal of American Folklore* 107 (423): 55–81.
- Limon J. 2010. Breaking with Gramsci: Gencarella on Good Sense and Critical Folklore Studies. *Journal of Folklore Research* 47(3): 253–257.
- Meder T., Karsdorp F., Dong Nguyen, Theune M., Trieschnigg D., Everhardus I., Muiser C. 2016. Automatic Enrichment and Classification of Folktales in the Dutch Folktale Database. *Journal of American Folklore* 129 (511): 78–96.
- Narayan K. 1995. The Practice of Oral Literary Criticism: Women's Songs in Kangra, India. *Journal of American Folklore* 108 (429): 243–264.
- Nikoli D., Bakarić N. 2016. What Makes Our Tongues Twist?: Computational Analysis of Croatian Tongue-Twisters. *Journal of American Folklore* 129 (511): 43–54.
- Sawin P.E. 2002. Performance at the Nexus of Gender, Power, and Desire. In Berger and Del Negro, 28–61.
- The American Folklife Center. <https://www.loc.gov/folklife/index.html>, accessed 25.05.2016.
- The StoryCorps Project. <https://storycorps.org/>, accessed 25.05.2016.
- Tolken B. 1996. *The Dynamics of Folklore*. Logan: Utah State U. Press.
- Wang J. 2015. Introduction: New Perspectives on the Studies of Asian American Folklores. *Journal of American Folklore* 128 (510): 373–394.

J. Rouhier-Willoughby

*University of Kentucky, Lexington, United States of America (USA);
j.rouhier@uky.edu*

North American Folkloristics: Contemporary Approaches and Conceptions

This article provides an overview of folkloristics and the study of folklore in North America. Folkloristics in America is by necessity an interdisciplinary field, usually based in departments dedicated to English, anthropology, or world languages. The concept of folklore itself is broader than is often the case in European countries, including topics that would often be considered to be ethnography elsewhere in the world or are often beyond the scope of folklore studies altogether, such as popular and urban “folk” culture. This article traces the history of this development in the field of folkloristics and the understanding of what the field entails in North America. It discusses the genres represented in the North American tradition, both among the native peoples of North America and among those that immigrated to the country. It outlines the genres, such as gospel and bluegrass music, that arose on the American territory as well, as peoples from various cultural traditions intermingled. The article examines of the evolution of the field from the 1970s to

the present day. Criticism of formalist and structuralist theories in the 1970s has led to contemporary analytical approaches to folklore that rejected the unitary views that the formalist school represents. Of particular importance in contemporary North American folkloristics is the voice of the marginalized. For example, feminist (or gendered) approaches gave rise to an interest in the role folklore played in expressing women's concerns. Reciprocal ethnography ensures that the tradition bearers' voice is heard. In this approach, before publication of any work on the material collected from them, the collector asking the bearers to respond to the analysis and includes their own thoughts in the publication. Intersectionality challenges the unitary view of the bearers of tradition, who are often defined by one characteristic, e.g., region, age, or ethnicity. Theorists argue that a combination of these (and other) factors must be considered together to understand how folklore functions in a given context. Relying on articles from recent issues of the *Journal of American Folklore*, current trends in the field and contentious issues that have arisen as a result are discussed. These include the role of folklorists as activists, how the folklore of some ethnic groups have been overlooked in the field, the narrative turn in humanities and the important role folklore studies should play in this area and the affects of technology on the spread and analysis of folklore.

Keywords: North American folkloristics, contemporary approaches, conception of folklore and the discipline.